

Янь Уюй бросил на него недовольный взгляд:

— Разве ты не видишь, что старший брат уже на грани безумия?

Тан Цюци, вспомнив странное выражение лица Тан Цзянли, вздрогнул:

— Что происходит?

Янь Уюй задумчиво произнес:

— Пойдем спросим заместителя патриарха. Звуки, кажется, доносились из того места, где живет Тан Ханьюй.

Оба решили продолжить подниматься по каменным ступеням.

Тан Цзянли пнул бамбуковую дверь, вошел внутрь, поднял Е Чанцзяня и уложил его на кровать, внимательно разглядывая.

Лицо Е Чанцзяня было бледным, а на уже перевязанных ранах снова проступили капли крови. Видимо, он разодрал раны, корчась от боли.

С каменным лицом Тан Цзянли укусил свое запястье и поднес его ко рту Е Чанцзяня. Кровь потекла из раны на его запястье, капля за каплей попадая в рот Е Чанцзяня и стекая в его горло.

Эта кровь была странной: в ней не было ни капли запаха крови.

Лицо Е Чанцзяня постепенно порозовело, а раны, нанесенные уколами, начали заживать.

Нежно уложив Е Чанцзяня на кровать и укрыв его одеялом, Тан Цзянли медленно вышел из комнаты.

За дверью его ждал изящный и красивый Тан Тан.

Е Чанцзянь парил в мягких облаках, наслаждаясь свободой. На облаке впереди лежала белая тигрица, выглядывшая вялой. С улыбкой он подплыл к ней, обнял ее пушистую круглую голову и спросил:

— Малыш Тигр, ты скучал по мне?

Малыш Тигр поднял голову, молча посмотрел на него и наконец произнес:

— М-м.

Низкий, холодный голос.

Это был голос Тан Цзянли. Е Чанцзянь, охваченный ужасом, упал с облака.

«О боже!»

«Тан Цзянли точно оборотень!»

С этой мыслью он упал с облака и смутно очнулся.

Его внутренности горели, а душа словно разрывалась от боли. Во рту ощущался вкус некоего

нектара, который облегчил эту муку.

Второе жертвоприношение требовало постоянного бодрствования, что истощило его силы. Он не мог открыть глаза и даже пошевелиться.

Смутно он слышал прерывистые голоса за дверью.

Один голос был нежным, другой — низким.

— Четыре Великих Клана связаны узами братства, их долг — изгонять демонов и уничтожать зло. Клан Танмэнь... всегда в первых рядах... нельзя... допустить...

— Он не станет...

— Не позволяйте одному листу закрыть весь лес...

— Уже слишком поздно...

— Как мы объясним это совету старейшин...

— Я хочу увести его.

— Куда?

— Скитаться по миру, жить где придется.

— ...Нельзя быть безрассудным... передача дел должна произойти в ближайшее время.

— ...Дайте мне еще два месяца...

— Иди. Я и Жои присмотрим за Кланом Танмэнь.

— Благодарю.

Голоса становились все тише, и вскоре их уже нельзя было разобрать. Прошло некоторое время, и с скрипом открылась дверь. Е Чанцзянь насторожил слух, но не услышал ни одного шага.

«Тан Цзянли точно оборотень!»

Следующая остановка — Клан Тушань. Ему нужно проникнуть в сокровищницу и взять Зеркало Багуа, чтобы вывести Тан Цзянли на чистую воду.

«Ха-ха.»

С этой радостной мыслью он вдруг понял, что может двигаться. Открыв глаза, он увидел, что Тан Цзянли сидит рядом и смотрит на него.

Е Чанцзянь сказал:

— Тан Цзянли, знаешь, о чем я думал во время жертвоприношения?

— О чем?

— Я думал, что больнее: жертвоприношение или Строй Мечей, Истребляющих Бессмертных.

Оказалось, второе. Но я справился и с этим, так что жертвоприношение — ерунда.

— Не грусти, — видя тебя таким, мне тоже плохо.

Е Чанцзянь с трудом сел, и Тан Цзянли тут же обнял его.

Е Чанцзянь провел рукой по нахмуренному лбу Тан Цзянли:

— Раньше ты всегда был невозмутим. Почему в последнее время так часто хмуришься?

Тан Цзянли взял его руку и нежно поцеловал.

Е Чанцзянь сказал:

— Раньше меня называли заводилой на Ночной переправе под звон ветра. Видя тебя таким мрачным, я чувствую себя обузой.

Тан Цзянли ответил:

— Ты никогда не будешь обузой для меня.

Тук-тук.

Приоткрытая дверь распахнулась, и вошла Тан Жои с измученным лицом.

Тан Ханьюй, крадущийся за ней, был резко вытащен вперед, и она холодно произнесла:

— Поблагодари господина Гу.

Е Чанцзянь махнул рукой:

— Я терпеть не могу, когда меня благодарят. Тан Ханьюй, у меня к тебе вопрос. Ты помнишь, что произошло перед тем, как ты потерял сознание?

Тан Ханьюй покачал головой:

— Я спал и чувствовал, как кто-то развязывает мою одежду. Я подумал, что это тетя обтирает меня, а потом ничего не помню.

Е Чанцзянь посмотрел на Тан Жои и спросил:

— Заместитель патриарха, это вы все время ухаживали за Тан Ханьюем?

Тан Жои, выглядевшая уставшей, кивнула:

— Я была с ним до рассвета, а потом ушла с Тан Цином доставить лекарства. К тому времени Ханьюй уже выглядел странно.

— Вы спрашивали слуг, не заходил ли кто-то чужой в комнату Ханьюя?

Тан Жои ответила:

— Никто не заходил.

Е Чанцзянь сказал:

— Простите за прямоту, но если чужих не было, значит, это внутренний враг.

Он помолчал и снова спросил:

— Были ли в Клане Танмэнь ученики, которые учились на Ночной переправе под звон ветра?

Техника жертвоприношения духов была запрещенным искусством Ночной переправы. В то время Старец с лодкой на дикой переправе запечатал ее в Запретной комнате Павильона, Касающегося Звёзд, и строго запретил им прикасаться к ней. Е Чанцзянь, не выдержав любопытства, воспользовался отсутствием Старца и тайком пробрался в Павильон, чтобы изучить древние тексты, поэтому и запомнил их.

Лицо Тан Жои мгновенно изменилось, и голос ее стал жестче:

— С тех пор как сто лет назад Четыре Великих Клана заключили союз и порвали все связи с Ночной переправой под звон ветра, между нами не было никаких контактов.

Верно, прошло уже сто лет. Те, кто достиг просветления, давно стали бессмертными, а те, кому не хватило сил, ушли в цикл перерождений.

И те, кто был на его курсе, видимо, тоже уже ушли.

Тан Цзянли холодно сказал:

— Тетя, если у вас больше нет дел, уходите. Ему нужно отдохнуть.

Тан Жои сказала:

— Ханьйюй, иди домой. Не забрасывай учебу.

Она отослала Тан Ханьйюя, а затем медленно поклонилась Е Чанцзяню:

— Господин Гу, вы спасли Ханьйюя. Мы никогда не сможем отблагодарить вас за это. Клан Танмэнь всегда будет помнить ваш подвиг.

Е Чанцзянь покачал головой. Они должны благодарить Гу Няньцина. Тело чистой Инь чрезвычайно редко, и если бы не Гу Няньцин, жертвоприношение не удалось бы.

Более того, запретное искусство, примененное к Тан Ханьйюю, изначально принадлежало Ночной переправе под звон ветра. Даже если репутация Ночной переправы в мире культиваторов крайне плоха, он не мог позволить злоумышленникам запятнать имя его дома.

Е Чанцзянь сказал:

— Заместитель патриарха, хотя это и неуместно, я все же скажу: слишком мягкая мать портит ребенка. Хотя Тан Ханьйюй — талантливый ученик на пути к бессмертию, вам нужно строже воспитывать его. С его характером он обязательно навлечет на себя беду, а вы не сможете защищать его всю жизнь.

Тан Жои долго молчала, а затем произнесла:

— Господин Гу, раз Цзянли так относится к вам, вы, видимо, не чужой. Ханьйюй с детства остался без родителей, и я с Тан Таном воспитывали его как своего. Вы знаете, как умерли его родители?

Е Чанцзянь с недоумением посмотрел на нее, и она тихо сказала:

— Отец Ханьюя... не был человеком.

Е Чанцзянь вздрогнул.

Тан Жои с трудом сдерживала слезы, ее глаза покраснели.

— Отец заставил сестру убить ее мужа. Приказ отца — закон, и она не могла ослушаться. Но после этого сестра тоже покончила с собой, оставив сиротой Ханьюя. В Ханьюе течет кровь демонов, и брат использовал запретное искусство, чтобы заменить его кровь и сделать его обычным человеком. Поэтому брат тоже скоро умрет.

Ее голос дрожал, полный бесконечной печали и невыразимой боли.

— Его родители уже рассеялись в небытии. Он — дитя, за которое отдали жизни моя сестра, ее муж и мой брат. Перед смертью сестра завещала мне хорошо заботиться о нем, ни в чем его не ущемлять.

Родовой завет Клана Танмэнь — быть верным одному человеку до конца жизни — словно сладкое проклятие, крепко держал их.

Она и Тан Тан были женщинами и, следовательно, не могли иметь потомства. Тан Цзянли никогда не нарушил бы родовой завет, и единственным продолжателем рода Танмэнь оставался получеловек-полудемон Тан Ханьюй.

Эта давняя тайна была слишком тяжела. Слезы дрожали в глазах Тан Жои, и она с трудом сдерживала рыдания:

— Род Танмэнь не должен погибнуть из-за меня, господин Гу, прошу вас, поймите меня.

Каждый раз, глядя на Тан Ханьюя, она вспоминала свою сестру, с которой они были неразлучны, вспоминала доброго старшего брата, вспоминала шурина, который, не желая доставлять сестре неприятностей, спокойно принял смерть.

Прошлое стояло перед глазами, и как она могла быть строга с ним?

<http://bllate.org/book/16478/1496985>